

МИФЫ И РЕАЛИИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Открыть новую дискуссию на страницах журнала побуждает нас сам характер полемики, разворачивающейся в научной периодике и в публицистических работах по сложнейшим проблемам, с которыми столкнулась наша страна, вступив на путь радикальных преобразований. Суть многих расхождений можно свести к одному общему вопросу: что должно делать для перевода общества в новое социально-экономическое качество с точки зрения мирового теоретического и практического опыта и что реально возможно в конкретных условиях современной России (учитывая и исторические традиции, и менталитет народа, и сложившиеся диспропорции общественного производства, и реальный уровень обнищания населения, и многое другое).

Уже четко обозначились два подхода к реформированию экономики страны. Одни указывают на опасности промедления с реформами и требуют их ускорения, так как, по их мнению, народ просто не выдержит растянутых во времени трудностей переходного периода. Другие, напротив, считают убыстрение процессов гибельным, предлагая систему постепенных преобразований, при которых все хозяйствующие субъекты могут не торопясь осваивать новые условия экономической деятельности. Обе эти группы обвиняют друг друга либо в «либерал-радикализме», либо в «консерватизме» и критикуют, как правило, выводы и практические рекомендации своих оппонентов. Между тем хотелось бы (и именно поэтому мы начинаем данную дискуссию), чтобы обе «враждующие» стороны критически проанализировали именно системы аргументации. Тогда, быть может, с одной стороны, сторонники радикальных перемен в большей степени задумались бы об опасностях, связанных с проникновением рыночной стихии в нерыночную среду, поискали бы свои способы нейтрализации этой опасности. С другой — противники радикальных преобразований могли бы более внимательно отнестись к указаниям своих оппонентов на то, как сложившаяся административная система способна ассимилировать медленные, частичные, половинчатые преобразования и оставаться самой собой, хотя и в деформированном виде, лишь затрудняя ее функционирование. Кроме того, почти два года реформ требуют пересмотра многих рекомендаций «консерваторов» в связи с тем, что реальная ситуация уже изменилась. Россия 1993 года — совсем не та, какой была наша страна в 1991 году.

Главное, чего нам бы хотелось, — это наладить диалог между «радикалами» и «консерваторами», который, как нам представляется, поможет более точно ответить на поставленный выше вопрос о том, что должно и что можно сделать сегодня. Пока такого диалога не получилось. Выступающие в этом номере журнала М. Гельвановский и Р. Евстигнеев — сторонники разных подходов к реформированию российской экономики. Первый, строя свою концепцию на основе анализа советской экономики как экономики нерыночной с псевдорыночными элементами, не принимает результатов идущих реформ. Как представляется, именно поэтому его программа абстрагируется от новой реальности, что и делает ее уязвимой. Эти уязвимые места, а также сам принцип поисков «третьего пути» развития убедительно критикует Евстигнеев. Но критика эта не касается предложенного Гельва-

новским анализа советских экономических реалий, что также оставляет чувство неудовлетворенности. Во всяком случае, перед нами типичные подходы к решению проблем, поставленных самой жизнью.

В следующих номерах мы продолжим обсуждение темы переходного периода. На страницах журнала выступят представители разных научных школ, сторонники различных концепций, специалисты в области анализа процессов перехода к рынку в других постсоциалистических странах. Будем стремиться к тому, чтобы наш взгляд на эти проблемы стал более объемным, а значит, и рождающиеся при этом конкретные рецепты преобразований обретут большую точность.

Михаил ГЕЛЬВАНОВСКИЙ

Россия на пути к нормальной хозяйственной системе

Всякая принципиальная проблема
есть окно, через которое мы смотрим на
мир.

С. Булгаков. «Философия хозяйства»

До недавнего времени советские экономисты в теории оперировали лишь одним понятием переходного периода, зафиксированным во всех учебниках политической экономии. Это переходный период от капитализма к социализму. Как мы теперь хорошо знаем, фактически этот период затянулся на семь десятилетий. В результате выяснилось, что переход осуществлялся не в том направлении и что нужно вернуться назад, к тому, от чего ушли. Однако сегодня при «переходе к рынку» каким-то странным образом обходится вопрос о том, к чему же мы все-таки должны вернуться и вместо этого в средствах массовой информации активно пропагандируется примитивная мысль о том, что если все будет не распределяться по плану, а продаваться и покупаться, то мы заживем богато и счастливо.

Нарочитый примитивизм в трактовке такой сложной проблемы, как смена национальной хозяйственной модели, и более того — всей социальной парадигмы, безответственность не только журналистской братии, но и многих авторов, претендующих на ученый авторитет, заставляет вступить в дискуссию и представить свое видение данной проблемы.

Что нужно для возвращения к естественной хозяйственной системе

В экономической практике современного мира при решении задач по восстановлению нормальной работы национальных хозяйственных систем теории обычно сводят дело к комплексу мер по интенсивной либерализации и активизации рыночных сил или к созданию условий для ускоренного их развития там, где они имеются в недостаточно развитом виде. Обычно это практикуется на фоне жесткой бюджетной политики государства, как правило, ведущей к сокращению различных социальных программ. В основном на выполнении этих задач строились реформы правительств промышленно развитых государств, осуществлявших перевод своих национальных хозяйств с военных на гражданские рельсы после второй мировой войны, или экономические модели и программы оздоровления экономики, разрабатываемые и рекомендуе-

Гельвановский М. И. — кандидат экономических наук, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН. Специалист в области международного сравнительного экономического анализа, экономики переходного периода.

мые к практическому использованию Международным Валютным Фондом (МВФ) в развивающихся странах.

Такой способ решения задач в целом, возможно, и правомерен для стран с рыночным хозяйством. Хотя, как хорошо известно, его реализация нередко сопряжена с серьезными социальными издержками, особенно в развивающихся странах, где население далеко не всегда быстро адаптируется к жесткости рыночного механизма. Тем не менее главное, что необходимо учитывать при оценке подобных реформ и характера требуемого для них переходного периода — *степень соответствия идеям реформирования среды, в которой их пытаются реализовать*. В большинстве стран, до сих пор осуществлявших восстановление нормального гражданского хозяйства в противоположность милитаризованной хозяйственной системе или проводивших модернизацию, не была разрушена естественная рыночная среда; в развитых странах она была лишь временно перестроена для нужд военного времени. И даже при этом восстановление или модернизация обычно связаны со значительным социальным напряжением и требуют времени на отработку новой хозяйственной модели, новых принципов мобилизации и распределения национальных ресурсов. Совершенно иная ситуация складывается там, где длительное время использовалась методология централизованного директивного планирования. В случае, если эти страны приняли решение вернуться к рыночной модели экономики, очень важно учитывать два обстоятельства.

Во-первых, национальные хозяйственные модели различаются по характеру своей организации и содержат в себе различные сочетания стихийных рыночных и регулируемых государством хозяйственных начал. История знает огромное разнообразие комбинаций этих начал и форм их реализации. Наиболее яркий пример среди промышленно развитых стран — США и Япония, в основе национальных хозяйств которых вроде бы лежит одна и та же рыночная основа, но сама организация национального рынка различается весьма существенно. Во-вторых, надо учитывать различные последствия длительного периода неестественного хозяйственного развития, основанного на нерыночной базе. Такое развитие не могло не оставить глубокий след на всех сторонах общественной жизни, в том числе и на характере взаимоотношений между хозяйственными субъектами по вертикали и по горизонтали, на общей психологии хозяйствования и на человеческих отношениях в целом. В данном случае при решении задач выхода из трудного экономического положения возникают принципиально иные проблемы. Они связаны с необходимостью преодоления нагромождения социально-психологических, правовых и организационно-структурных последствий системного характера, обусловленных не только нерыночными принципами хозяйствования, сильно искажившими нормальные представления о традиционных рыночных категориях, превращенных в квази- или псевдорыночные категории, а более глубокими деформациями социального сознания, изменившими самые важные основы общественных отношений как по вертикали (между управляющими и управляемыми), так и по горизонтали (между равноуровневыми субъектами общегражданской правовой системы). При этом сама правовая система, так же как и многие стороны общественной жизни, оказалась в значительной мере «псевдо». Другими словами, речь идет о восстановлении нормального функционирования национального хозяйства страны, начиная с восстановления самых его естественных нравственно-правовых первооснов. В этом, видимо, и состоит главная особенность ситуации, с которой сталкиваются страны, отказавшиеся продолжать бессмысленный, растратный и крайне опасный в социальном и экологическом отношениях эксперимент.

Данному обстоятельству почему-то редко уделяют должное внимание, и проблема часто изображается так, будто переходный период приблизительно одинаков для всех стран, поскольку в его рамках решается, в сущности, лишь одна и та же сверхзадача — радикальное повышение эффективности функционирования национального хозяйства. На это указывает, в частности, некая стандартность в подходе к проблеме со стороны многих экономистов, особенно экспертов МВФ.

Конечно, общность этой задачи позволяет выделить ряд проблем переходного периода, с которыми сталкиваются практически все, но которые в то же время не сводятся к решению упомянутой сверхзадачи. Прежде всего практически в большей или меньшей степени встает проблема преодоления *преднамеренных искажений в представлениях о нормальном эффективном хозяйстве*, способном создать для человека достойные условия существования, сохранить среду его обитания, формирование естественного рыночного менталитета, основанно-

¹ Об этом красноречиво свидетельствуют предложения МВФ по переходу СССР к рынку, разработанные хьюстонской группой.

го на правовых и этических нормах, обеспечивающих как широкие и достаточно свободные горизонтальные связи хозяйствующих субъектов, так и эффективную иерархическую систему государственного управления, способную удержать рыночную стихию в рамках общественных, национально-государственных интересов. Здесь особенно важной является задача формирования не только практически нового социального слоя предпринимателей, работающих в легальных условиях здоровой конкурентной борьбы, но и создание условий и механизмов, обеспечивающих гармонизацию интересов всех слоев населения, систему общественных отношений, при которой различные слои населения дополняли бы друг друга в общем слаженном оркестре, играющем симфонию общественной жизни. При этом важно добровольное принятие всех естественных форм хозяйствования без циничного навязывания со стороны властей основной массе населения новых абстрактных формул, ломающих естественный уклад жизни.

Что общего между идеями коммунизма и свободного рынка?

Многомерность и многогранность социального организма нации нельзя сводить только к одной его стороне. Между тем именно это мы постоянно наблюдаем в отечественной общественно-политической науке. Сначала это была идея коммунизма, в основе которой лежала мечта о сытом и довольном завтра, о равномерном распределении обретенной сытости между членами общества. Теперь стремление к сытости и богатству облечено в формулу рыночного счастья, которой вновь придаются магические черты и волшебные свойства: вот настанет рынок и будем жить как там, на благословенном Западе, купаясь в товарном изобилии и полной свободе самовыражения. Так ли это? Не упускаются ли из виду фундаментальные основы национального бытия и не возникает ли опасность снова оказаться на дороге, ведущей в никуда? Попробуем разобраться в этом более подробно.

Реальный социальный организм всегда конкретен. Это всегда сложнейший сплав результатов исторического, социально-политического и экономического развития. Это общность людей, связанная с географически совершенно конкретным пространством, на котором обычно происходят весьма интенсивные и сложные процессы взаимодействия новейших тенденций, связанных с потребностями современной техногенной цивилизации, с традиционными устоями, глубинным генетическим наследством данного социума. Это одновременно весьма жесткая конкурентная борьба (зримая или скрытая), в которой отдельные элементы геополитической мозаики нередко образуют крайне запутанные комбинации национальных интересов, находящих свое выражение прежде всего в военно-политической и экономической сферах.

В этой связи важно отметить три наиболее важные черты, свойственные социальному сознанию, сложившемуся в условиях коммунистической диктатуры. Первая из них — интернационализм, вбиваемый в течение десятилетий стереотип национально обезличенного советского общества, в котором «национальные рудименты» будут постепенно отмирать и растворяться в винегрете искусственно перемешиваемого сложного многонационального социума. В результате мы пришли к запущенности национальных проблем, отодвинули на второй план само понятие традиционной национальной экономики, многие народы и страны в значительной мере утратили свою самобытность, особенно в хозяйственной сфере. Недостаток национального сознания идеологии пытались компенсировать чувством удовлетворения от жизни в первом в истории человечества «государстве рабочих и крестьян».

Этому активно способствовала вторая черта социального менталитета — усиленно насаждавшееся понятие о социальном равенстве, понимаемом как всеобщая уравниловка. За образец был принят некий средний труженик со средним весьма низким доходом, лишенный частной собственности на средства производства, подвергающийся главным образом внеэкономическому принуждению, «защищенный» в основном идеологическим пропагандистским аппаратом, который выстраивал некое «потемкинское царство коммунистической справедливости».

Наконец, третья черта общественного сознания, на которой держалась коммунистическая хозяйственная система, состояла в гипертрофии идеи социально-экономического регулирования, выразившейся в абсурдной формуле — «одна страна — одна фабрика».

К счастью, всей этой внешне вполне привлекательной своей абстрактной стройностью

политэкономической системе взглядов не суждено было полностью воплотиться в жизнь. Но она смогла реализоваться в форме *псевдоидеи*, вынужденной маскироваться под некие общепринятые образцы «цивилизованной» хозяйственной системы. Внешне, по названиям копируя общепринятые категории, она на самом деле представляла собой лишь суррогат, весьма сильно отличающийся по своему содержанию от оригинала. В результате сложилась и псевдорыночная, и псевдоплановая (планы ведь тоже были в основном только на бумаге), интернационально ориентированная, но со своими геополитическими интересами, этатистская эгалитарная система — причудливый симбиоз вымысла (или лжи) и реальности. Именно поэтому ее так сложно анализировать. Названия ее элементов, внешне привычные слуху любого экономиста, социолога, политика, часто совершенно не соответствуют общепринятому пониманию, а отрицательные черты ее функционирования нередко соседствуют с реальными достижениями как в научно-технологической, так и в социальных областях. Нередки примеры, когда в такой системе причудливо сочетались весьма эффективные достижения с почти пещерными фактами запустения и отсталости.

Однако установить факт искажения представлений общественного сознания о рыночной хозяйственной системе и обозначить его наиболее существенные черты — это лишь первый этап лечения болезни. Главное состоит в выяснении того, *что же реально может быть положено в основу национальной хозяйственной модели той или иной страны*. Ответить на этот вопрос весьма непросто, да и вряд ли можно найти достаточно определенный рецепт, находясь в самом начале пути. Здесь, видимо, реален лишь общий набросок, и прежде всего следовало бы сказать о том, чего желательно было бы избегать при подходах к формированию новой хозяйственной системы, чтобы не впасть в очередную иллюзию.

Утрата основной массой населения представлений о естественной для данной страны хозяйственной системе не исчерпывает глубины данной проблемы. К сожалению, приходится констатировать, что основная масса не только рядовых тружеников, но и их руководителей в странах бывшей социалистической ориентации не имеет фундаментальных знаний о такой системе хозяйства. Значительная часть ученых-экономистов и преподавателей весьма смутно представляет, какой должна быть хозяйственная система их страны и мало чем может помочь в приобретении таких знаний. Более того, именно современная профессура, огромная армия ученых и преподавателей в первую очередь нуждается в переподготовке, поскольку именно они являлись и объектом, и субъектом противоестественного воспитания и образования. Для многих это весьма трагичный поворот в жизни, без которого, однако, невозможно удержаться на плаву в новых условиях².

Но речь должна идти не просто о том, чтобы научить людей правильному поведению в системе классического экономического либерализма. Дело в том, что сама система свободного рынка (особенно в ее примитивной интерпретации) далеко не бесспорна. Так, в противоположность псевдорыночной и псевдоплановой интернационально ориентированной этатистской эгалитарной системе (в обиходе называемой административно-командной, что логически примерно соответствовало бы «масло-масляной») нам предлагают воплотить идею «свободного рынка», атрибутами которого являются свободные цены, частная собственность на средства производства и пассивная роль государства, не мешающего производителям производить то, что они считают нужным, а потребителям покупать то, что они хотят.

Как известно, основные постулаты этой концепции впервые были сформулированы А. Смитом более двух веков назад и сводятся они к следующему. Во-первых, основным субъектом экономической игры в либеральной экономической системе является индивидуум, всеми силами стремящийся к реализации своей собственной выгоды. Его рационализм возведен на пьедестал божества, и этому божеству он всемерно служит. По сути дела, это *чистый «экономический*

² Хотелось бы сразу отметить, что самым пагубным было бы бросать упреки советским экономистам в их роли в поисках «социалистического философского камня» и разжигать по этому поводу мстительные страсти. Многие из этих ученых искренне пытались найти дорогу к эффективности в рамках социалистического выбора, и не их вина, что другие пути поиска были стражайшим образом закрыты. Это, скорее, их трагедия. И не только их, но и наша общая. Вместе с тем необходимы инвентаризация и анализ накопленного наследия результатов этих поисков. Думаю, что-то здесь может пригодиться именно в годы переходного периода, когда естественные условия хозяйствования еще не сложились и необходим осторожный и грамотный хозяйственный маневр.

человек» (*homo economicus*). Во-вторых, среда, в которой оперируют такие «люди», представляется также *чисто «экономической реальностью»*, оторванной от какого бы то ни было социально-исторического контекста. В-третьих, хозяйственная система, сформировавшаяся на такой основе, предполагает *автоматический процесс «саморегуляции»*. При этом автоматизм осуществляется при выполнении ряда важных условий. К ним относятся:

— атомистическая структура рыночной среды (множество относительно независимых хозяйствующих субъектов), создающая в совокупности условия для конкурентного климата и, следовательно, возможность выбора множества экономических решений из множества вариантов;

— свобода обмена товарами и услугами;

— высокая мобильность факторов производства (труда, основного капитала, денежных средств);

— степень однородности потребностей индивидуальных участников хозяйственного процесса, достаточная для сведения их к общему утилитарно-рациональному знаменателю;

— общедоступность информации о протекающих экономических процессах.

Автоматизм, кстати, требует сведения до минимума вмешательства в хозяйственные дела государства, нарушающего «естественный процесс» формирования «объективных» пропорций и тенденций, складывающихся под влиянием «свободно» принимаемых решений «независимых» хозяйствующих субъектов.

Излишне, видимо, говорить, что практически все эти условия в реальной действительности являются достижимыми лишь отчасти, приблизительно. Такая классическая либеральная рыночная модель может существовать только в виде основы для абстрактных рассуждений и построения примерной теоретической схемы или модели, но ею нельзя руководствоваться в реальных хозяйственных условиях. Практически это мы и наблюдаем в обыденной жизни стран с развитой рыночной экономикой.

Но интересно, что при более пристальном рассмотрении эта концепция обнаруживает поразительное сходство со своим оппонентом — коммунистической идеей. И здесь мы наблюдаем и социальный интернационализм (чистота рынка вне конкретно-исторического контекста), и социальную справедливость, подаваемую, правда, уже не как равенство доходов, а как равенство возможностей (это при наличии широкой имущественной дифференциации населения!), и, наконец, универсальность процесса автоматической саморегуляции, так похожей на план (только при коммунизме хозяйством руководила «видимая рука» — Госплан, а при свободной рыночной системе «невидимая рука» — совокупный эгоистический интерес, который почему-то в итоге должен непременно выражать общенациональный интерес данной социальной общности).

Не беря в расчет сложности хозяйства переходного периода, рассматривая проблему с чисто теоретических позиций, можно видеть, что в основе обеих концепций лежит, по сути, один и тот же материально-механистический подход к самому человеку — носителю общественного сознания, рассматриваемому как интеллектуальное животное, лишенное какой бы то ни было общественной морали и нравственных основ³. В первом, коммунистическом, варианте человек рассматривается как некое усредненное общественное животное. На практике идея всеобщего материального блага схематично реализуется путем собирания на макроуровне общественного «урожая» и произвольного его распределения сообразно уравнилельным принципам социального равенства. Во втором варианте человек рассматривается как индивидуальное интеллектуальное животное, совокупный эгоизм которого — «невидимая рука» — через жесткую и бескомпромиссную конкурентную борьбу должен привести ко всеобщему общественному благоденствию. Как видим, крайности, как это обычно бывает, сходятся.

Национальная экономия как теоретическая альтернатива либерально-рыночному абсурду

Реальная жизнь отвергла обе эти схемы, и национальные государства строятся по другим рецептам. Потому, наверное, что они оказались населенными живыми людьми, руководствующимися не только интересом индивидуальной экономической выгоды, но и болеющими как за

³ Современные адепты данной системы в отечественной экономической науке этого и не скрывают, искренне полагая, как это, например, делает Н. Шмелев, что все экономически эффективное нравственно.

благополучие своих семей, так и за судьбы своей страны, в системе ценностей которых экономика, материальный достаток хотя и занимают значительное место, но являются *отнюдь не единственным, а иногда и не основным критерием успеха в их жизни*. Более того, именно неэкономические убеждения лежали в основе строительства больших национальных «домов» — государств, в которых люди, объединенные исторической общностью, религиозно-нравственными принципами, живут столетиями и тысячелетиями.

Концепция свободного рынка в наибольшей мере определила хозяйственную модель таких стран, как Великобритания и США. Использование здесь данной доктрины во многом объективно было связано с условиями развития этих стран, поскольку у них сочетание экономической мощи с колониальной политикой открывало широкие перспективы применения такого «равенства» возможностей в условиях экономической свободы, особенно в отношениях с зарубежными партнерами. Но и в этих странах эволюция множества мелких раздробленных «индивидуальных» хозяйств к более сложным структурам, общественное разделение труда, опосредуемое рынком, в значительной мере опиралось на протестантскую этику и сопровождалось формированием мощных общественных и государственных институтов и механизмов. Характер общественных отношений выстраивался веками, шлифовался правовыми нормами, весьма жестко ограничивавшими неумеренные аппетиты, разрешаемые либеральной экономической теорией *homo economicus*, приводя их таким образом к реальному субъекту капиталистических отношений на основе протестантской морали, как об этом весьма обстоятельно описано в работах М. Вебера.

Так сформировалось одно из главных условий рыночного хозяйства — предпринимательская этика, ставшая смазочным маслом хозяйственного механизма, работающего на основе интереса и морального самоограничения. Но последнее совершенно отсутствует в теории свободного рынка, особенно в его современном варианте рыночного абсурда постсоветского образца⁴.

Однако и в тех странах, где проблема выбора экономически выгодного варианта хозяйственного решения ограничивается в основном рамками предпринимательской этики и правовыми нормами, все же существует и достаточно активно действует весьма влиятельная сила — система государственного экономического регулирования, которая особенно жестко проявляет свою власть тогда, когда мягкие формы оказываются недостаточными или неэффективными.

При общем подходе к западному образцу общественного хозяйства, которое мы привыкли называть рыночным, проблема выбора концепции хозяйственной модели не ограничивается поиском оптимальных путей только в рамках классической либеральной теории. В противовес ей в экономической науке уже достаточно давно сформировалась и развивается альтернативная позиция. Речь идет прежде всего о немецкой исторической школе, весьма резко критикующей экономический либерализм и настаивающей на *приоритете исторических, национальных, религиозных и государственных факторов по сравнению с материально-потребительскими при формировании экономической структуры общества*. Согласно воззрениям этой школы, общество должно рассматриваться как *органическое единство материальных и нематериальных элементов, как духовно наполненное живое и динамичное образование*, а не чисто механически материальная конструкция. Представители немецкой исторической школы в своих работах, по сути, раскрыли главное содержание теории экономического либерализма как мировоззренческой позиции. Я имею в виду то обстоятельство, что либеральная экономическая теория является не отдельной наукой — экономикой, а специфической *идеологией*, которую Г. Шмоллер назвал «экономизмом». Из этого вытекает другой очень важный вывод — экономическая наука *не может претендовать на статус автономной и независимой дисциплины, совершенно изолированной от других политических, философских и религиозных установок*. Понимание этого особенно важно при рассмотрении концепций хозяйственных моделей таких стран, как Германия или Россия, где национальному фактору исторически всегда придавалось существенное значение. Для России эта тема является актуальной особенно сейчас, когда она находится на распутье.

⁴ Причем, если для А. Смита этический элемент был самоочевиден и постоянно присутствовал «за скобками» исследования, то отсутствие его у советских «либералов» не компенсируется ничем.

⁵ Например, введение таких мер, как замораживание цен и заработной платы в США в период правления администрации Р. Никсона, или проведение различных мер по регулированию цен на энергоносители в период энергетического кризиса 70—80-х годов.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении оказывается, что наши рыночные радикалы, по сути дела, взяли на вооружение ту же материалистическую механистическую концепцию, которой оперировали коммунисты. Если у коммунистов человек был «винтиком», то рыночные радикалы видят в нем интеллектуальное животное, лишенное чувства принадлежности к великой нации, к тысячелетнему государству, построенному на самобытной религиозной основе православного христианства.

В системе общественных ценностей России материальные факторы играли важную, но не такую определяющую роль, как в Западной Европе или в Америке. И если даже США и Великобритании потребовались столетия на то, чтобы совместить эту крайне индивидуалистскую идеологию свободного рынка с реальной жизнью, то возникает естественный вопрос: каким же образом наши рыночные радикалы хотят внедрить эти идеи на российской почве? Отсутствие предпринимательской этики и необходимых организационно-правовых условий, на отладку которых уходят десятилетия, все равно не позволит создать эффективную хозяйственную систему, способную не то чтобы противостоять в конкурентной борьбе современным экономически сильным и хорошо организованным противникам, но и просто поддерживать в рабочем состоянии уже существующее хозяйственное пространство, не говоря уже о том, что сама по себе идея создания в немыслимо короткие сроки эффективной рыночной экономики на обломках централизованного псевдопланового советского хозяйства чисто технически является абсурдной и социально абсолютно безответственной.

В этих условиях единственной реальной альтернативой строительству национальной хозяйственной системы является концепция национальной экономики, рассматривающая в качестве главной фигуры экономического процесса не отдельного индивидуума, а *народ как единую, неразбимую общность людей, интересы которой и должно выражать государство*. При этом было бы абсурдно отрицать роль рынка как важнейшего элемента хозяйственной системы. Такой подход, по сути, был бы возвратом к коммунистической идее, на преодоление которой как раз и направлены все силы переходного процесса. Но рынок в национальной экономике должен играть подчиненную роль, быть инструментом для достижения целей национальной экономической системы, а не самоцелью.

Особенности России: более сложная и социально опасная ситуация

При переходе к решению широкого комплекса общих проблем применительно к той или иной стране требуется тщательный учет самых разнообразных специфических условий их национальных хозяйств. К наиболее важным специфическим чертам России можно отнести следующие.

Во-первых, специфические стороны менталитета значительной части населения страны на фоне разнообразия национальных и этнокультурных традиций и особенностей в образе мышления, связанных с ее многонациональностью:

— исторически сложившаяся *иерархичность сознания большей части населения* страны, являвшейся на протяжении многих веков империей, *крестьянский менталитет значительной части ее активно занятого населения* и соответствующие ему культурные традиции (правда, существенно искаженные в последние несколько десятилетий);

— особо укоренившаяся *нерыночность и даже в определенном смысле антирыночность мышления*;

— глубокий след в мышлении и хозяйственной практике страны оставила практика псевдопланирования. Она выражается в стремлении *заформализовать все стороны социальной и даже личной жизни граждан, в безразличии к социальному расточительству*, порожденному люмпенизацией населения (насиленным лишением его реальной собственности), в значительной степени *квазинформативности информационных систем* (особенно в случаях, когда речь идет о состоянии хозяйства), отсутствии заинтересованности существенной части населения в получении правдивой информации, в неспособности или нежелании критического анализа и практического использования информации.

Во-вторых, огромные масштабы страны с широкой гаммой природно-географических и климатических условий, обуславливающие прежде всего *огромную инерционность хозяйственного потенциала*.

В-третьих, специфическая, уникальная *многонациональность*, выражающаяся в том, что, по существу, страна представляет собой *совокупность национальных этнокультурных регионов, скрепленных единой системой самых разнообразных связей — социальных, политических, экономических и др.*

Эти три главные черты дополняются другими, по сути, вытекающими из них производными особенностями условий переходного периода, заставляющими с большой осторожностью и тщательным расчетом подходить к проблеме восстановления естественно-национальной хозяйственной модели в России.

Среди производных специфических черт можно выделить следующие:

—укорененность плановых структур и глубокая милитаризация хозяйства, носящая крайне экстенсивный характер, и связанная с этим гигантская диспропорциональность в наиболее важных аспектах: «потребление—накопление», «военная—гражданская сферы производства», «промежуточный—конечный продукт» и др.;

—низкий технический и технологический уровни гражданского производства, связанные с неповоротливостью и закостенелостью хозяйственной системы, высокая степень обветшания основных фондов, их физический и моральный износ (последнее связано с ресурсорасточительством и экологической безопасностью);

—доведенное до крайней степени нищеты состояние социальной сферы, выражающееся в общей нищете большей части населения при значительных разрывах в доходах на душу населения по различным группам, а также в весьма опасном экологическом состоянии среды;

—политическая нестабильность, особенно характерная для последнего времени, отсутствие практических основ для достижения социального и национального согласия, угрожающая социальной стабильности эрозия вертикальной ответственности в политической, экономической и социальной сферах жизни.

С учетом этих специфических черт России становится ясным, что основой переходного периода должна быть постепенность вращивания рыночных структур в хозяйственную систему страны при сохранении стабильного стержня устойчивых хозяйственных связей и функциональных звеньев, обеспечивающих базовые социально-экономические потребности страны. Иной подход к решению этой и без того сложной и социально болезненной проблемы может привести к крайне опасным не только для России, но и для всего мира последствиям, признаки которых уже зловеще маячат в отдельных регионах. Нестабильность, перерастающая в открытые социальные конфликты с использованием оружия и средств экономической блокады (по существу, средств ведения военных действий), *переводит Россию в качественно иное состояние, при котором проблема перехода к естественно-рыночной модели отодвигается на второй план, уступая место проблеме обеспечения стабильности и просто выживания.*

Постепенность, однако, вовсе не означает оттягивания процесса формирования рыночных условий, а, наоборот, является гарантией необратимости движения по выбранному пути. Многоканальная приватизация государственной собственности должна привести к созданию многоукладной (многосекторной) экономики, где будут параллельно сосуществовать не только различные формы собственности, но в течение переходного периода и различные хозяйственные механизмы. В течение переходного периода должны быть созданы и отрегулированы все наиболее важные механизмы и инструменты функционирования и регулирования рыночного сектора, который, развиваясь, должен постепенно, по мере насыщения товарами потребительского рынка и создания в хозяйстве подлинно конкурентных условий, вытеснять и заменять нерыночное распределение.

В переходный период базовые социально-экономические потребности должны удовлетворяться на основе жесткого выполнения государственных заказов, за реализацию которых должны нести огромную ответственность государственные органы и отвечающие за их выполнение предприятия и функциональные звенья. На время переходного периода народное хозяйство и население страны должны быть в определенной степени застрахованы от возможных слишком драматических неожиданностей, способных привести к резкому ухудшению экономического положения. Эту функцию социальной гарантии никто, кроме государства, выполнить не может.

Рыночный сектор, играя подчиненную роль, способствуя обеспечению более гибкого и динамичного развития хозяйства, должен находиться под контролем государства, но контроль за этим сектором должен осуществляться с помощью средств рыночного регулирования, близкого по своим формам и методам к применяемому в практике капиталистических стран (бюджетное

регулирование, налоги, льготы, кредиты и т. д.). Переход к новой хозяйственной модели, как показала практика ряда стран, демонстрирующих успехи в этой области (Китай, Венгрия, Вьетнам), целесообразно начинать с отраслей, непосредственно обслуживающих нужды населения (прежде всего сельское хозяйство, производство промышленных потребительских товаров, сфера услуг, торговля, общественное питание и т. п.). И только по мере отработки рыночных механизмов в этих отраслях постепенно распространять их на крупное производство средств производства.

Весь этот процесс должен явиться в основном результатом *последовательной, энергичной и достаточно жесткой государственной политики, гораздо более твердой, чем в периоды обычного инерционного развития.*

Чисто стихийный путь перехода к рынку — путь «шоковой терапии» в различных ее вариациях — сопряжен с колоссальными социальными издержками. Болезненные последствия такого пути неизбежно вызовут потребность в гораздо более длинном, чем предполагают сторонники рыночного радикализма, переходном периоде в результате крупных потрясений, вызванных непримиримыми столкновениями сложившейся в стране системой специфически социализированного хозяйства и деформированной хозяйственной психологии, с одной стороны, и совершенно противоположными требованиями новой хозяйственной модели, в значительной мере опирающейся на естественные рыночные силы, — с другой.

Если абсурдная идея внедрения рыночной стихии в нерыночную среду не будет преодолена, то не исключен и даже вполне закономерен быстрый возврат к еще более жесткой системе нерыночного распределения. Напротив, модель национальной экономики ограниченного рынка способна решить в течение переходного периода такие задачи, как: мобилизация социального потенциала России, и прежде всего создание слоя новой национальной политической и хозяйственной элиты; формирование гибкой социальной структуры, способной адаптироваться к быстроменяющимся процессам так, чтобы это не приводило к социальным конфликтам и ухудшению демографической ситуации в стране; обеспечение позитивного взаимодействия с внешнеэкономической средой, включая соблюдение геополитических интересов России.

Все эти задачи способна решить только власть, пользующаяся доверием основной массы населения, умеющая четко структурировать свои функции и задачи во времени и пространстве, поскольку сама хозяйственная модель, ее конфигурация, будет выстраиваться не по заранее заданной схеме, а в результате творческого поиска и взаимодействия управляющих и управляемых, органического единения здоровых национальных сил, кровно заинтересованных в возрождении государства Российского, способного занять свое достойное место в сложном и быстроменяющемся мире.